

И.В. Емельянченко

Бездомные

**Очерки. (Из жизни в
петербургских трущобах)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
И11

И11 **И.В. Емельянченко**
Бездомные: Очерки. (Из жизни в петербургских трущобах) / И.В. Емельянченко – М.: Книга по Требованию, 2015. – 46 с.

ISBN 978-5-518-06489-8

ISBN 978-5-518-06489-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Онъ получаетъ два пятака, побрякиваетъ ими и продолжаетъ развивать свою мысль.

— Вотъ и сейчасъ стѣнки-то топа аршина на три пораздвинулись, хе-хе-хе!

Однако, перезябнувшая человѣческая тѣнь не дослушивается. Заплативъ деньги, она взбѣгаетъ на крылечко, потомъ въ корридоръ, тамъ спотыкается о пьяное тѣло, но, удержавшись на ногахъ, распахи-ваетъ дверь, ведущую на гошъ.

Полоса тусклаго свѣта падаетъ на лежащаго въ корридорѣ пьянаго, и новопришедшій его долго разглядываетъ. Отъ этого промедленія чрезъ откры-тую дверь холодъ врывается на гошъ такой острой струей, что оттуда начинается градомъ сыпаться:

— Какой шкетъ*) тамъ двери раскрылъ?

— Затворяй, иродь!....

— Лиговкой шель, да на снѣгу лѣто напель?!
Гляди-ка: выкинемъ тебя самого на «дачу»!

Новопришедшій, встрѣченный такой энергич-ной словесностью, торопится войти и старается по-плотнѣй притянуть за собой двери. Въ видѣ извиненія онъ поясняетъ:

— Да тамъ Петька пьяный въ корридорѣ сва-лился и уснялъ, не втащить-ли его сюда все-таки?

— Втащи, пожалуй, а самъ на его мѣсто ло-жись: видишь, какъ здѣсь вольно и просторно! саютъ книзу, отчего кажется, что куча тѣль на на-

1) Шкетъ — на жаргонѣ гопа бранное слово.

Дѣйствительно, на голѣ очень вольно и просторно. На прыжныхъ «скерахъ», т. е. нарахъ, навалены кучи тѣлъ. Многіе спятъ, улегшись на нарахъ только полутуловищемъ: ноги ихъ отъ ягодицъ свирахъ срывается на полъ, а этотъ полъ, грязный, на вершокъ покрытый землей, тоже, какъ ковромъ, засланъ спящими, при чемъ голова одного покоится на животѣ другого, а ноги этого другого, безцеремонно улеглись на грудь третьему. Зіяющія темной жутью пространства «подъ скерами» тоже завалены чѣмъ-то живымъ, стонущимъ и храпящимъ.

А вдоль стѣнъ сидятъ на корточкахъ и курить чело-вѣкъ двадцать. Этимъ абсолютно уже негдѣ лечь и они обречены всю ночь курить и бодрствовать, и за это они заплатили по гривеннику «съ рыла». Но положеніе этихъ можно считать еще сноснымъ; рискованнѣй устроились другіе, ихъ трое, они примостились сидѣть на краешкахъ наръ и не могутъ шевельнуться, ибо подъ ними и вездѣ кругомъ разлеглись спящіе тѣла: не только что ступить, плюнуть некуда.

Отглядѣвъ все это, новопришедшій теряетъ охоту продолжать защиту Петькиныхъ интересовъ и спѣшитъ устыться тоже на корточкахъ у холодной облупившейся печки. Оттуда для очистки совѣсти онъ бросаетъ въ пространство:

— Однако, кое-кому не мѣшало бы вспомнить, что онъ кое-когда изъ Петькина стакана водочку прихлебываетъ!

Это попадаетъ въ цѣль, и въ отвѣтъ, какъ взрывъ пороховаго погреба, глухо бухаетъ букетъ узорчатыхъ словъ:

— ... и ступай ты къ лѣшому и со своей и съ Петькиной водкой: безъ вкуса пить я ее и безъ вкуса впредь выпью, и попли вы оба къ медвѣдю на хвостъ! А Петька, ежели онъ до дверей гопа дойти не могъ, то пусть опить, гдѣ брякнулся — не замерзнетъ!.... И его водка мнѣ не въ укоръ: я ее по дѣлу пить; а тебѣ, молокососъ, я еще 55 на упакъ напишу, — не въ свой орогодъ за капустой не хаживай!...

Новопришедшій «молокососъ» съ порядочной бородой равнодушно начинаетъ сворачивать папиросу. Онъ знаетъ, что на гопѣ очень много грозныхъ словъ, но отъ нихъ до дѣла еще далеко.

— Дядя, а дядя!... Не хочешь ли папиросу?

«Молокососъ» поднимаетъ голову: съ печки къ нему свѣшивается дѣтская рученька съ папирсой.

Это Сережка, десятилѣтній мальчикъ-газетчикъ. Онъ торгуетъ «Копѣйкой», обходя дешевыя чайныя и трактирчики. Верхъ холодной печки — его постоянное ложе и квартира. Онъ сирота, и гопѣ считаетъ его какъ бы своимъ приемышомъ, и только въ отношеніяхъ къ нему смягчаетъ жесткость царящего на скалахъ и подъ скарами эгоизма.

— Разбогатѣлъ, клопъ? — спрашиваетъ «Молокососъ», принимая папиросу.

— Есть копѣйки!.... — басытъ Сережка тономъ

взрослаго, подражая ухарю-грузчику, и самъ закуриваетъ. Онъ впервые курить и отъ папирось его мутить. Онъ ихъ только что старался раздарить, но шутики три все-таки осталось, и ихъ Сережка непременно хочетъ выкурить самъ, «чтобы научиться». Сережка гордъ тѣмъ, что онъ самъ зарабатываетъ себѣ хлѣбъ, одежду и кровь; поэтому онъ хочетъ во всемъ походить на взрослыхъ съ гопа: онъ уже попиваетъ пиво, но отъ водки еще морщится; краснорѣчивымъ жаргономъ гопа Сережка владѣетъ въ совершенствѣ.

Дѣла его идутъ недурно. Публика гопа, собирается къ обѣду по чайнымъ, дѣлаетъ ему большую рекламу:

— Нашъ сыночекъ!....

И Сережка бойко торгуетъ. Трогуары его тоже не бѣгаютъ, но тамъ Сережка ко всему еще ухитряется и «пристрѣлить». Завидѣвъ среди пунистаго мѣха богатой шубы, благодушное лицо Сережка передъ самымъ его носомъ взмахиваетъ «Копѣйкой» съ выкрикомъ:

— 60 градусовъ мороза въ Петербургѣ, всѣ печя отъ страха потрескались, хозяйки и кухарки воюютъ, въ государственную думу прошеніе на небо хотятъ писать.... Купите газету, ваше почтеніе, на рубль новостей, газета «Копейка», а настоящая цѣна ей — гривенникъ!

Онъ совершенно загораживаетъ дорогу шубѣ.

благодушное лицо среди мѣховъ богатаго воротника. еще благодушнѣй сіяетъ.

— Еще и трехъ градусовъ холоду не было, а вы уже 60 насочинили, ну, давай, давай твою газетишку, читаемъ, какъ врте-то!... Деньги держи!...

Сережка, получивъ блестящій гривенникъ, съ напивнымъ видомъ держать его на ладони и сокрушенно заявляетъ:

— У меня починъ, ваше почтеніе: нѣтъ ли у васъ монетки помельче. Мнѣ всего копѣечку. тыльчикъ!.

— Есть монетка помельче! Вотъ держи — подза-

Шуба легонько толкаетъ Сережку, но тотъ — не промахъ: онъ летитъ со всѣхъ ногъ на панель, рассыпаетъ экземпляры «Копейки», и черезъ секунду онъ и оторопѣвшая шуба — въ центрѣ грозно сгрудившейся уличной толпы. Сережка дипломатично молчитъ и нарочито медленно собираетъ съ панели газетные листки.

— Не хорошо, господинъ!... — слышится изъ толпы.

— Да вѣдь я, братцы, шутя, чуть-чуть!...

— Отъ такихъ шутокъ, пожалуй, безъ головы останешься!....

— Да вѣдь я гривенникъ далъ, онъ мнѣ, этотъ мальченка, даже понравился: шустрый такой! И толк-

нуль я его легонько, любовно!.... Вѣдь правда, мальчикъ, я тебѣ вмѣсто копѣйки десять далъ?

Шуба, видимо, очень растрожена все растущей толстой и съ испуганной ласковостью заглядываетъ Сережѣ въ глаза. Но тотъ ихъ третъ ладонями, а потомъ отряхиваетъ крошки грязнаго снѣга съ газетъ.

— Ну, говори: далъ я тебѣ десять копѣекъ?

— Да-а-а-али.... а потомъ толкнули: и гривенникъ я обронилъ, и газетки перепачкалъ!

Сережка, отвѣчая, не плачетъ, но въ голосѣ его слышатся нотки близкихъ слезъ. По этой части Сережка большой искусникъ: на гопѣ онъ иногда показываетъ, какъ плачетъ мальчикъ, котораго только что высѣкли, или какъ хнычетъ о своемъ сиротствѣ беззубая баба, вышивъ сороковку.

Шуба понимаетъ, что дѣло «вязнеть»; она торопливо достаетъ двугривенный, суетъ его въ руку Сережкѣ и также торопливо пробирается на волю сквозь живую стѣну утруемыхъ фигуръ, восторая:

— А все проклятые дворники виноваты: плохо панель окробають... гололедъ!.... вѣдь чуть толкнулъ, а мальчишка со всѣхъ ногъ бухнулся!.... Еще хорошо, что носа не расквасилъ...

Шуба удалиласъ, а Сережка снова выкрикиваетъ:

— Копѣйку купуйте! На рубль новостей!..

Въ рукѣ у него 30 копѣекъ серебромъ, въ созна-

нія пріятная мысль о томъ, что онъ сначала ловко «подстрѣлили шубу» на гривенникъ, а потомъ еще ловчѣе «опманалъ» ее на двадцать копѣекъ. Особое торжество теплотой заливаетъ Сережкино сердце предвкушеніемъ того, какъ онъ вечеромъ на гоуѣ расскажетъ о своемъ подвигѣ съ высоты своего печнаго ложа. Сережка — типичный продуктъ петербургской улицы и петербургскихъ гоуовъ; онъ развитъ и развращенъ не по лѣтамъ, во многихъ отношеніяхъ грань между нимъ и взрослыми значительно ступшевана; еще два-три года и отъ нея слѣда не останется.

Сережкѣ негдѣ дѣйствовать, кромѣ столичной панели, какъ негдѣ ему почевать, кромѣ грязнаго гопа.

Теперь Сережка на своей печкѣ накурился до настоящей тошноты. Ослабѣвшей рукой онъ протягиваетъ послѣднюю недокуренную папиросу внизъ къ «Молокососу».

— Вво-о-о-озьми, дяденька... а-а... мнѣ дай вво-о-о-одицы испи-и-ить!

«Молокосось» поднимается, беретъ папироску и нацѣживаетъ ковшъ воды: кранъ и раковина тутъ-же, недалеко отъ печки.

Сережка жадно пьетъ и, напившись, чуть не роняетъ ковшъ; «Молокосось» едва успѣваетъ его подхватить, а мальчикъ почти въ обморокъ запрокидывается на спину на своей печкѣ. Ему очень худо: стѣны гопа валяются, потолокъ кружить, а печь колыхается,

какъ лодка. Не приходя въ себя Сережка впадаетъ въ тяжелый дурманнй сонъ, и чудится ему, что большая дымящая папираса сама лѣзетъ ему въ ротъ мокрымъ мундштукомъ, и нельзя ее ни выплюнуть, ни оттолкнуть руками....

Гонъ храпѣтъ на разные лады. Это первый сонъ самый крѣпкій и у большинства такой же дурманнй, какъ у Сережки: у иныхъ отъ водки, у другихъ отъ kloкочущихъ въ груди бронхитовъ и плевритовъ, у третьихъ отъ переутомленія, у четвертыхъ оттого, что на груди и на животѣ устроились двѣ чужія головы да двѣ чужія ноги.

Тѣмъ не менѣе, властно затягивающее настроеніе сна царитъ на гонѣ, и трудно бодрствующимъ на корточкахъ вдоль стѣнъ, но еще труднѣй тѣмъ, которые усѣлись на нарахъ. Мучительно борется съ дремой грузный рязанецъ: онъ сидитъ на самомъ уголкѣ наръ — «полукорпусомъ», свѣсивъ разутыя грязныя ноги. Его здоровое, красное лицо полно страданія. слипающіеся глаза блуждаютъ, а рыжая борода лопатой колышется то вверхъ, то внизъ.

Нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ борьба со сномъ. Рязанецъ дѣлаетъ не человѣческое усиліе разогнать заливающую его мозги теплоту и мракъ, заволакивающій его глаза. Онъ азартно куритъ папиросу за папиросой, но эти пріемы внутрь облаковъ густого махорочнаго дыма подбодряютъ лишь на моментъ, а затѣмъ еще больше дурманятъ. Вотъ онъ опустилъ

папиросу и осоловѣло уставился глазами на закопченный язычекъ пламени въ лампѣ, свисающій съ потолка и бросающій кругомъ скорѣй мертвую желтоватую тѣнь, чѣмъ живой свѣтъ.....

Долго глядитъ рязанецъ на этотъ противный грязный огонь, и наконецъ, голова его начинаетъ медленно-медленно падать. Вотъ и пальцы руки разжались и непотухшая папироса упала и застряла въ склокоченныхъ волосахъ какого-то спящаго на полу мужика.

Слышится запахъ паленаго волоса.... Рязанецъ встряхивается, руками поднимаетъ голову и снова глядитъ на лампу. Но не долго онъ глядитъ на нее: снова упала завѣса на глаза, и снова голова кренится; повисли руки, и даже весь торсъ осѣлъ; мышцы поясницы уже уснули; рязанецъ качнулся, на мигъ открылъ глаза, одѣлалъ руками движеніе, какъ бы желая за что нибудь схватиться, удержаться, но онъ уже въ полной власти сна и, вновь опустивъ вѣки, уже сладко спитъ.... Недолгій сонъ: одна секунда.... Рязанецъ клонится больше и больше и, наконецъ, сорвавшись, тяжелымъ мѣшкомъ падаетъ на кого-то изъ лежащихъ на полу.

— Такъ! — слышится среди сидящихъ вдоль стѣны.

— Сейчасъ театр-иллюзіонъ начнется!....

И начинается....

Упавшій рязанецъ загудѣлъ кому-то въ грудь,

тотъ со стономъ рванулся въ одну, въ другую сторону, метнулся всѣми членами. Эти движенія мгновенно передались всей кучѣ тѣлъ, авлявшихся на полу. Полусонные люди толкали другъ о друга, бились о столбики океръ; съ минуту эта судорога сводила и разводила массу спящихъ на полу въ полномъ молчаніи, наконецъ зазвучало:

— Да что такое?...

— Въ чемъ дѣло?...

— Ноги убери.... напелъ имъ мѣсто!...

— Я тебѣ не матрацъ!!...

— Слышь, въ рыло заѣду — отодвигайся!...

— Свои кулаки имѣю: куда двигаться—укажи!..

Серьезнѣй всего обстоитъ дѣло между рязанцемъ и пострадавшимъ мужикомъ.

Мужикъ въ страшной ярости, онъ уже успѣлъ сбросить съ себя рязанца, и тотъ сконфужено сталъ у наръ. Мужикъ тяжело дышетъ и пока можетъ только хрипло выбрасывать:

— Я тебя обучу..... Я тя образую.... Чуть грудь не проломилъ мнѣ дубовой башкой.... Погоди!... Дай отдышаться только....

Рязанецъ извиняется:

— Братецъ милый, ну, прости: не виновать я. ужъ третью ночь не сплю, крѣпился, пока сонъ, какъ молотомъ, по башкѣ не ударилъ!.... Прости, ради Бога!.....